

Андрей Львович Ливадный

Борт 618

Аннотация

Неожиданный бой на далекой планете. Смертельное ранение. Последним, что уловил угасающий взгляд лейтенанта Лизы Стриммер, была рука омерзительного существа, тянущегося к ее лицу. А дальше — провал в памяти длиной в два десятка лет. Она жива. Кто воскресил ее? И кто тот неведомый, кто открывает на нее охоту? Чья злая воля стремится превратить человечество в стадо послушных роботов? Именно Лизе предстоит найти ответы на эти непростые вопросы...

Пролог.

— Борт 618, здесь «Орфей», доложите готовность!

Пилот десантно-штурмового модуля кинул беглый взгляд на приборы.

— «Орфей», на связи Борт 618, предстартовая процедура окончена. Прошу данные по обстановке.

— Борт, орбиты сближения свободны. Данные по точке высадки загружаются.

— Что там внизу? — Пилот машинально поправил дугу укрепленного у губ микрофона, одновременно считывая поступающие на навигационный экран данные.

— Сложно сказать, — ответил голос в коммуникаторе. — Густая низкая облачность, разрывов нет, похоже, что в зоне высадки гроза. По данным картографической разведки, там несколько брошенных поселений,

связанных общей инфраструктурой дорог. Приспособленной площадки для посадки нет, ориентируетесь по обстановке.

— Понял вас. — Пилот кивнул своему навигатору. — Игорь, следи за рельефом. Настрой сканеры на низкую облачность. Придется идти по приборам.

Навигатор потянулся к приборным панелям.

Пилот спускаемого модуля переключился на внутреннюю связь:

— Экипажу, начало стосекундного отсчета. В отсеках, приготовиться к старту. — Он опять коснулся сенсора. — «Орфей», начат стосекундный отсчет. Подтвердите разрешение на старт.

— Борт 618, старт разрешен. Катапульта заряжена, силовые поля убраны.

В ангаре разведывательного картографического крейсера «Орфей» в этот момент стихла вся суэта подготовки, люди исчезли, фермы обслуживания втянулись в предназначенные для них укрытия. Огромный десантно-штурмовой модуль, подхваченный электромагнитами удержания, оторвался от стартовой плиты и медленно поплыл в сторону открытого затвора катапульты, будто действительно являл собой исполинский тупоносый снаряд длиной почти в сто метров.

— Борт, вы в стволе. Затвор герметизируется.

На табло бортового хронометра цифры обратного отсчета продолжали свое стремительное движение к нулю.

Две разведенные в стороны половинки многотонного затвора

стартовой электромагнитной катапульты начали возвратное движение, медленно смыкаясь.

— Затвор закрыт!

— Добро. Мы готовы.

Пилот спускаемого модуля посмотрел на экраны обзора. Вдоль внутренней поверхности ствола стартовой катапульты то и дело пробегали цепочки красных и синих огней, обозначая габариты пусковой шахты, а впереди, за раскрывающимися лепестками диафрагменного люка, уже обозначился черный провал космоса.

— Диафрагма открыта!

Цифры на бортовом хроно высветили нули.

Плавное ускорение, рожденное электромагнитами стартовой катапульты, подхватило космический корабль, толкнуло его вперед по стволу, огни габаритов слились в

сплошные полосы и...

Резкий толчок, вспышка гасящих вращение дюз коррекции, ощущение Бездны, расплескавшейся вокруг мириадами колючих, холодных точек...

«Орфей» огромной клиновидной массой уже скатывался на экраны заднего обзора, а впереди был виден ущербный шар серовато-зеленой планеты.

Пилот посмотрел назад, провожая взглядом удаляющуюся массу крейсера, по борту которого четкими флюоресцирующими буквами тянулась надпись:

«Миссия гуманитарного союза Совета Безопасности Миров. Поиск потерянных колоний».

- Борт 618, доложите обстановку.
- Старт успешный.
- Счастливо, парни. До встречи на высоких орбитах.

— Понял, спасибо. Конец связи. —
Пилот спускаемого модуля коснулся сенсора, переключая свой коммуникатор на внутреннюю частоту.

Он сделал это спокойно, буднично, абсолютно не догадываясь о том, что слышит голос дежурного офицера крейсера в последний раз.

Часть 1. Пятая колонна.

Глава 1.

Планета Кассия. Город Александрийск. Западный жилой массив, шесть часов вечера по локальному времени...

Этот высотный дом стоял на самом краю двадцать третьего жилого комплекса, возвышаясь пограничным уступом уровня «D». Если встать

спиной к его входу, то чуть дальше и значительно ниже можно было увидеть бесконечные крыши — все вровень друг с другом, будто небоскребы нарочно подгоняли под одну высоту, а на них — высаженная в виде замысловатых геометрических фигур красовалась нежная, едва распустившаяся зелень весенних садов.

...Молодая женщина лет тридцати, идущая по пешеходной дорожке вдоль ограждения, отделяющего ее от пропасти перепада городских уровней, остановилась неподалеку от входа в здание. Оглядевшись по сторонам, она в нерешительности облокотилась о перила, будто ее мучили какие-то сомнения. Несколько раз она бросала мимолетный взгляд в сторону застекленного входа в жилой комплекс, словно мысленно решала — войти внутрь или нет?

Видимо, она так и не смогла прийти к однозначному ответу на свой вопрос, потому что отвернулась и принялась смотреть вдаль, на умытую недавним дождем свежую зелень садов.

За этим, нижестоящим уступом огромного города уже не увидишь следующей ступени жилых массивов: все сливается воедино, и очертания отдельных зданий теряются в дрожащей дымке городского смога.

Некоторое время она смотрела в туманную даль, а потом, должно быть, поборов сомнения, вдруг решительно направилась в сторону входа.

Внутри здания было светло и чисто. По периметру огромного фойе тянулись веселые, пестреющие товарами витрины мини-маркетов. У дверей лифтовых шахт на своих постах сидели два охранника в форме МСБ, Муниципальной службы безопасности.

Женщина прошла мимо них, вызвала лифт и поднялась на девяносто пятый этаж.

Перед дверями квартиры с пятизначным номером она опять на несколько секунд застыла в нерешительности, но потом, поджав губы, коснулась подушечкой большого пальца правой руки крохотного пятнышка сканирующего устройства.

Дверь послушно скользнула в сторону, открывая сумрак прихожей. Она вошла, поморщившись от коснувшихся ее обоняния флюидов.

— Сергей! — с порога позвала она.
— Сережа!..

Тишина. Лишь в воздухе витает странный сладковатый запах. Дверь за спиной скользнула на место, сделав сумрак прихожей еще более густым.

Лиза тяжело вздохнула, нашаривая рукой выключатель.

Быть женой наркомана — удел безрадостный, и внутренняя отговорка о том, что наркотик на самом деле ненастоящий, очень скоро перестает действовать, по крайней мере как лекарство от душевного бессилия, от ощущения того, что тебя предали.

Сейчас, вернувшись домой после недельного отсутствия, Лиза почувствовала это особенно остро. Открыв дверь и перешагнув порог квартиры, которую они с Сергеем сняли несколько месяцев назад, сразу после свадьбы, она первым делом споткнулась о брошенную второпях обувь.

Опять этот чертов бардак... — мгновенно раздражаясь, подумала она.

Застойный запах сигаретного дыма, осевшего на занавесках и мягкой мебельной обивке, смешивался в гостиной с какой-то кислятиной, в

воздухе витала настоящая вонь, и от всех добрых мыслей и надежд Лизы тут же не осталось и следа.

Уходя на время из дома, она давала тем самым Сергею шанс одуматься, прийти в себя, понять наконец, что рядом с ним находится еще один живой человек, но... По положению брошенной второпях обуви, скомканному плащу, который бесформенным комом валялся подле вешалки, и этой мерзкой, отвратительной вони Лиза поняла: все, это уже окончательно и бесповоротно.

Переступив порог гостиной, она еще более укрепилась в своем тягостном предчувствии. Ее прощальная записка так и осталась лежать на столе, прижатая тарелкой, на которой скорчились засохшие бутерброды. Вот так... Он даже не удосужился прочесть ее послание.

— Сергей? — опять позвала она, в растерянности остановившись у стола.

И вновь ей ответила тишина. Лишь в соседней комнате, где был установлен терминал компьютера, что-то тихо, назойливо попискивало.

Ну, ясно... Опять погряз в своей виртуалке.

К горлу вдруг подкатила уже не злость, а горечь. Так погано, мерзко на душе ей было только в далеком детстве, когда разводились родители, а она, еще совершенно ничего не понимая в нюансах взаимоотношений взрослых людей, вдруг оказалась в центре их драмы. Тогда Лиза тоже отказывалась что-либо воспринимать, — мать и отец в равной степени были дороги маленькой девочке, и ей казалось абсолютно непонятным, почему жизнь вдруг дала трещину и начала прямо на глазах разваливаться на куски,

превращая любимых богов в жалких, озлобленных и приземленных людей.

Так и с Сережей...

Красивая сказка их знакомства, свадьба, медовый месяц — все исчезло так быстро, обернулось равнодушием любимого и сосущей пустотой одиночества, этой мерзкой вонью нестиранного белья, отвратительным запахом переполненной пепельницы и давно немытого тела...

Губы Лизы дрогнули от обиды. Он мог хотя бы сделать вид, что прочел записку. Сдвинул бы тарелку, отложил листок в сторону, может, и не терзала бы сейчас ее сердце такая дикая, безысходная тоска.

Зачем только она вернулась? Зачем лелеяла в душе эту глупую, наивную надежду, ведь все было ясно и так? Что заставило ее снова прийти сюда, в эти

стены, где одним странным, серым утром окружающая ее сказка обернулась вдруг чем-то злым, нехорошим?

Лиза все еще растерянно стояла посреди комнаты, рядом со столом. В ее глазах блестели наворачнувшиеся слезы. В соседнем помещении, где по типовому проекту квартиры был установлен терминал Интерстаровского компьютера, по-прежнему назойливо пищал непонятный, тревожный сигнал.

Ей бы тихо уйти отсюда, покинуть навсегда это гиблое место, пропахшее флюидами ее почившей мечты о счастье, но вот что-то не давало, удерживало, и даже больше — толкало туда, в комнату.

Слишком быстро это произошло... — внезапно подумалось ей, и эта мысль как нельзя более четко расставила все на свои места, сделала

понятным и причину возвращения, и боль в душе, и какую-то внутреннюю готовность прощать обиды: она просто не хотела верить в то, что уже свершилось. Лиза была достаточно рассудительна, чтобы понимать, — слишком явными и скорыми оказались перемены в их взаимоотношениях, жизни, во всем...

Господи, как горько... глупо все...

Не в силах сопротивляться внезапному порыву, она решительно шагнула к дверному проему, ведущему в соседнюю комнату и... застыла на пороге как вкопанная, смертельно побледнев.

В комнате с зашторенными окнами царил полумрак.

Терминал компьютерной системы таинственно мерцал тусклыми точками индикационных сигналов. В глубинах полусферического стереомонитора

сплетали неясный танец загадочные абстрактные тени так называемого «хранителя», но не это приковало к себе взгляд смертельно побледневшей женщины.

Сергей сидел в кресле, как-то странно, совершенно безвольно свесив голову набок, будто силы оставили его и он просто уснул в такой расслабленной, но неестественной для человека позе.

Длинный черный кабель оптического волокнонного соединения, оканчивающийся вставленным в височную область нейрошунтом, глянцевитой змеей обвился вокруг горла, одна рука Сергея обвисла как плеть, другая вцепилась в эту неживую змею, словно оптическое волокно вдруг ожило и пыталось задушить его...

— Сережа!.. — Лиза, омертвев от этой жуткой картины, все же

инстинктивно рванулась к нему, схватила его голову в свои жаркие, мгновенно вспотевшие ладони и вдруг взвизгнула, отпрянув, когда ощутила под дрожащими пальцами мертвую, холодную плоть, которая на ощупь была будто резиновая.

Господи, как ей стало страшно и одновременно мерзко в этот миг. Лиза медленно пятилась назад, пока ее спина не коснулась стены. Взгляд словно примерз к мертвому лицу мужа, к его открытым, остекленевшим глазам, к высохшему следу от струйки слюны, что какое-то время стекала из уголка его рта...

Она не могла поручиться, дышала ли в этот миг, но когда ее страшное оцепенение наконец прорвал судорожный вдох, то вместе с ним до ее помутившегося сознания дошел весь букет той вони, которая витала в

воздухе затемненного помещения, и ей тут же стало плохо.

Содрогаясь в конвульсиях, она медленно сползла на пол.

...Через несколько минут, когда спазмы пошли на убыль, она в полубредовом состоянии сумела не то выйти, не то выползти из комнаты. С трудом соображая, что и зачем делает, обламывая ногти, она открыла оставленную в гостиной сумочку и совершенно без сил рухнула в кресло.

Дрожащими пальцами набрав короткий, известный любому ребенку номер, Лиза выслушала долгий гудок, затем тональный сигнал подключения, и наконец в трубке раздался голос:

— Да? Дежурный МСБ слушает.

— Приезжайте... — дрожащими губами выговорила она, с трудом припоминая свой собственный адрес.

— Конечно, мэм. — Голос

дежурного оставался таким же ровным и деловым: — Я могу узнать, что случилось?

Боже, как тяжело, оказывается, выдавить из себя эту простую, короткую, но страшную по своей смысловой окончательности фразу:

— Мой муж... Он умер...

Рука Лизы с трубкой мобильного телефона бессильно опустилась.

Несколько минут она сидела, не шелохнувшись, тупо и отстраненно глядя в пол перед собой, пока из глаз не хлынули наконец слезы.

Через некоторое время далеко внизу, в ущелье улицы, визгливо завывали сирены нескольких машин Муниципальной службы безопасности.

* * *

Офицер, которому Лиза открыла

дверь, вел себя спокойно и корректно. Двое его подчиненных в сопровождении гражданского медика тут же прошли в комнату, где находился труп, а он мягко, но настойчиво подтолкнул Лизу в сторону приоткрытой двери, ведущей на кухню:

— Пойдемте. Нам с вами нужно поговорить.

Лиза, которую не покидало напряжение, вдруг поняла, что сопротивляется, окаменев, будто офицер желал не поговорить с ней, а как минимум изнасиловать.

Осознав это, она опустила руки.

— Да, конечно... Вы правы.

На кухне, вопреки ее предчувствию, царил тот порядок, который она оставляла тут неделю назад, решив временно переехать в гостиницу.

— Присаживайтесь. — Она указала на пластиковый стул, материал

которого искусно имитировал дерево... и болезненное воспоминание тут же кольнуло душу: они с Сергеем сами выбирали этот гарнитур накануне свадьбы.

Офицер, окинув цепким, профессиональным взглядом обстановку помещения, втянул носом застойный пыльный воздух и сел, представившись:

— Меня зовут Дейвид. Лейтенант Дейвид Морган, отдел расследования убийств.

Лиза кивнула, молча достав из сумочки, которую все еще сжимала в руках, свое унифицированное удостоверение личности.

Лейтенант извлек из нагрудного кармана крохотный фонарик. Направив невидимый глазу поток лучей на серый прямоугольник, он прочитал проступившие на нем буквы, кивнул,

возвращая удостоверение, и внезапно спросил:

— Могу я обращаться к вам по имени?

Лиза в первый момент не поняла вопроса: ее горестное оцепенение усугублялось с каждой минутой, и внешний мир с такой же скоростью отдалялся от нее. Мрачные мысли мешали нормально воспринимать реальность.

Наконец, осознав, о чем он ее спрашивает, Лиза кивнула, соглашаясь. Какая разница?..

— Вы даже не сходили туда... — тихо упрекнула она лейтенанта.

Он не смутился и не обиделся.

— Там работают эксперты, — спокойно объяснил он. — Не стоит им мешать, они вызовут меня лишь в том случае, если обнаружат признаки насильственной смерти.

Лиза усмехнулась горько, понимающе. Этот молодой красивый офицер, сидевший напротив, вероятно, уже сто или даже тысячу раз удовлетворил естественное для любого человека брезгливое любопытство, и смерть перестала быть для него таинством, а ее созерцание превратилось в нудную, каждодневную работу.

Тихо хлопнула входная дверь, в коридоре неприятно звякнул металл. На кухню заглянул служащий в форме Муниципальной санитарной службы.

— Привет, Дейв. Мы за телом.

Морган жестом указал им в сторону комнаты.

Лиза подняла глаза, беспомощно озираясь вокруг. Для человека, на которого внезапно обрушилось глубокое личное горе, многие моменты повседневной жизни становятся вдруг

дикими, непонятными, болезненными. Человеческое равнодушие вдруг стало осязаемым, словно окутав Лизу тяжким саваном: оно, это самое равнодушие, бродило по ее квартире, заглядывая во все доступные взгляду углы, грохало в коридоре носилками, смотрело на нее глазами лейтенанта Моргана...

Совсем не так, как в кино... — внезапно подумалось ей.

— Ну, лейтенант? — разбивая тягостную тишину, нервно, с вызовом в голосе, произнесла она. — Мы будем разговаривать? — Лиза попыталась на ощупь найти в сумочке сигареты, но дрожащие пальцы заблудились в мелких вещах, которые после утраты постоянного жилья приходилось таскать с собой, и она внезапно вытряхнула содержимое прямо на стол.

— Успокойтесь. — Морган с дежурной улыбкой наблюдал, как Лиза

взяла сигареты и пытается вскрыть непечатую пачку. — Дайте помогу. — Он распечатал сигареты и вернул их ей. Их пальцы соприкоснулись на миг, и она вздрогнула, ощутив, что кожа лейтенанта холодная, словно у лягушки.

Наверное, он был таким в жизни: спокойный, доброжелательный, рассудительный... в общем, никакой.

Лиза прикурила сигарету, и вдруг ее наконец проняло: слезы брызнули из глаз, струясь по щекам, в носу защипало, не то от сигаретного дыма, не то от прорвавшегося наконец горя.

Она думала, что Морган сейчас кинется утешать ее, но он остался сидеть на месте. На кухню вошел один из его помощников, наклонился к лейтенанту и что-то тихо сказал ему на ухо. Морган кивнул.

— Теперь мы можем поговорить, —

произнес он, оборачиваясь к Лизе. — Вам следует успокоиться. Сейчас я включу аппаратуру протокольной записи и задам вам несколько вопросов.

Она кивнула, неловко вытирая слезы.

Процедура допроса, или, как было в данном случае — опроса свидетеля, значительно упростилась с той далекой поры, когда была введена в практику на прародине человечества — Земле. Лейтенант Морган достал из внутреннего кармана служебный «комп», очень похожий на толстую записную книжку, расположил его на столе перед собой, открыл «обложку», которая на поверку оказалась мини-дисплеем.

Лиза отрешенно смотрела на эти приготовления, пока в какой-то момент не осознала, что совершенно четко понимает смысл каждого совершенного лейтенантом действия. Откуда в ней

вдруг появилась эта подсознательная уверенность, подспудное знание процедуры, оставалось только догадываться.

Вот Морган, взяв в руки световое стило, коснулся его кончиком нескольких точек на развернутом к себе экране, и Лиза машинально подумала:

Включил инфракрасный порт...
Устанавливает соединение с сетью...

Действительно, на миниатюрной панели мини-компьютера судорожно заморгал индикатор беспроводной связи. Невидимые глазу, но свободно проникающие сквозь стены инфракрасные волны достигли приемника сетевого терминала, расположенного в соседней комнате, и включили его. Теперь Морган, введя специальный для таких случаев код доступа, мог получить всю доступную в Сети информацию относительно

Сергея Шелгунова и его жены Лизы Стриммер. В категорию доступа включалась вся закрытая для обычного пользователя «подноготная», в том числе банковские счета и личная переписка, осуществленная через сервис Сети, и еще много интимных, обычно недоступных посторонним лицам сведений.

Словно тебя прилюдно раздевают... — неприязненно подумала Лиза и тут же откровенно удивилась этому непонятно как ожившему в ней знанию, но Морган был занят чтением поступающих на экран данных и потому не обратил внимания на то, как вдруг остатки краски сбежали с ее лица, сделав бархатистую кожу пепельно-серой.

Морган закончил изучать данные и поднял взгляд на Лизу.

— Итак, я готов выслушать вашу

версию случившегося, — сухо произнес лейтенант. — Учтите, что с этой секунды аудиосистема будет вести протокольную запись. Предупреждаю, все, что будет сейчас сказано вами, может быть впоследствии использовано против вас, — добавил он стандартную, пережившую века формулировку.

— Да, я знаю, — негромко ответила Лиза. — Что именно вы хотите услышать от меня?

— Кем был ваш муж, Сергей Шелгунов?

— Журналистом. Он работал на частное информационное агентство Норригана.

— У него были неприятности на работе? Вам известны люди, о которых он писал?

— Нет. Муж не посвящал меня в свою профессиональную деятельность.

— У него имелись предпосылки для самоубийства?

Этот вопрос ошарашил Лизу. В первый момент она растерялась, неприятная волна жара обдала ее тело.

— Вы это серьезно, офицер?!

Морган строго посмотрел на Лизу.

— Чем вам показался некорректным мой вопрос?

— Я думаю, что речь должна идти об убийстве, лейтенант, — справившись со своими чувствами, твердо ответила она, внутренне делая отчаянный шаг вперед, к этой преднамеренной резкости. — Я полагаю, вы будете искать тех, кто сначала отнял у меня мужа, а затем убил его.

— И кто, по-вашему, эти люди? — не скрывая своего недовольства, спросил Морган.

— Те, кто выпускает программы

виртуальных миров, которые засасывают душу человека, действуя на разум, словно наркотик! — резко ответила Лиза.

Лейтенант покосился на экран мини-компьютера, где специальная программа производила анализ голосовых модуляций.

Нет, судя по показателям анализатора, эта женщина не играла. Она действительно находилась в состоянии аффекта и вполне серьезно полагала, что можно взвалить ответственность за смерть ее мужа на кого-то другого, кроме него самого.

— Что ж, буду вынужден не согласиться с вами, и даже готов пояснить — почему, хотя это напрямую и не входит в сферу моих обязанностей, — немного помедлив, заявил Морган. — Вы, видимо, слабо знакомы с Сетью, если делаете

подобные допущения. — Он откинулся на спинку стула и поучительно произнес: — Дело в том, что виртуальное пространство нашей общепланетной сети, так же как межзвездная сеть Интерстар, не может рассматриваться в контексте привычных для реального мира юридических взаимоотношений. Притягательность виртуальных миров, которые действительно зачастую намного краше реального жизненного окружения, нельзя рассматривать как преступление их создателей. Просто есть люди, которые предрасположены к психическим расстройствам и так называемой «виртуальной зависимости», а есть те, кто просто не замечает второго слоя нашего сознания, как теперь модно называть виртуалку. Вы понимаете меня?

Лиза была вынуждена кивнуть, хотя

это простое движение далось ей с трудом.

— Поверьте, развитие инфраструктуры сетей и совершенствование связанных с ними виртуальных миров только добавило головной боли как нам, обычным стражам порядка, так и дипломированным юристам, занимающимся законотвoрчеством. Ваш муж, по всем признакам, умер не от нервного истощения, а от элементарного обезвоживания организма. Он не сошел с ума, а просто потерял сознание от голода и жажды. Его никто не убивал.

— Не верю, что в иллюзиях можно заблудиться настолько глубоко, чтобы потерять все ощущения, связанные с собственным телом и его физиологическими потребностями! — упрямо перебила лейтенанта Лиза.

— Увы, мэм. Такие случаи крайне редки, но прецеденты уже были. На тысячу человек, которые, по оценкам психологов, имеют ярко выраженную виртуальную зависимость, один рано или поздно погибает вот таким неприглядным образом.

— И эта статистика никого не убеждает в опасности виртуальных миров для человека?

Морган поморщился, словно от зубной боли.

— Сеть нельзя запретить, — ответил он. — Нравится это кому-то или нет, но она будет существовать, хотя бы потому, что без нее уже немыслимы ни экономика современного мира, ни технический прогресс, ни межзвездная связь. А что касается индустрии сетевых развлечений и связанных с нею проблем, то тут царят законы игорного

шоу-бизнеса. Никто не затягивает клиентов в Сеть насильно. И, разбирая случаи глубокой зависимости, неважно, закончилась ли она летальным исходом, мы приходим к удручающему выводу: большинство жертв виртуалки идут туда не просто по прихоти своего слабого, неадаптированного сознания. Они хотят там жить, потому что реальный мир по тем или иным причинам перестал быть для них привлекательным.

Лиза нахмурилась.

— Не думаю, что у моего мужа был комплекс неполноценности, — возразила она.

— Возможно, — согласился Морган, — но у него имелись проблемы иного толка.

Лиза внутренне напряглась.

— Какие?

Лейтенант испытующе посмотрел на

нее.

— Вы не в курсе его финансового положения? — наконец осведомился он.

Холод в груди стал резче, неприятнее.

— Нет... — созналась Лиза.

Морган несколько секунд продолжал в упор смотреть на нее, видимо, что-то просчитывая в уме, а потом произнес:

— Пожалуй, я могу сообщить вам некоторые подробности полученной мною конфиденциальной информации.

— Он как-то нехорошо усмехнулся и тут же со вздохом добавил: — Тем более что вы так или иначе узнаете о ней буквально завтра.

— Почему? Что это за информация? — насторожилась Лиза.

— Отвечаю по порядку: пять месяцев назад ваш муж взял кредит в одном из банков, надо заметить, весьма

внушительную сумму, под огромный процент, и завтра как раз наступает крайний срок выплаты денег. — Морган покосился на дисплей мини-компьютера и добавил: — Если учитывать, что он не платил по процентным ставкам, то сумма уже превысила здравый предел финансовых возможностей не только преуспевающего журналиста. Боюсь, что ваш муж пытался прокрутить какую-то финансовую аферу, но у него не получилось. Он мог оттянуть свое банкротство, осуществляя выплаты по процентам, но не сделал даже этого. Значит, ему нечем было платить по обязательствам, и потому его уход в виртуалку не кажется мне чем-то из ряда вон выходящим. Он был обречен и знал это, потому, вероятно, решил провести последние отпущенные ему недели там, где его сознание нашло

свой рай, соответствующий его представлениям об Эдеме.

Эта новость обрушилась на Лизу так, словно огромная глыба камня весом в несколько тонн придавила, подмяла ее под себя.

— Могу я взглянуть на сумму долга? — наконец произнесла она.

— Пожалуйста. — Морган повернул к ней свой карманный компьютер.

От цифры, что высветилась на экране рядом с исходной суммой займа, ей не стало легче, наоборот, дыхание окончательно сперло в груди.

Вот черт... Это же прорва денег! За такую сумму можно купить небольшой космический корабль!.. Во что же ты вляпался, Сереженька?!

Несколько минут она не могла произнести ни слова.

Сломав сигарету, Лиза дрожащими

пальцами достала другую, прикурила, даже не ощущая вкуса дыма. Морган тактично молчал, все это время продолжая изучать ее бледное, красивое лицо.

— Я буду вынужден наложить временный арест на ваш социальный статус, — наконец нарушил он затянувшуюся паузу в разговоре.

Лиза, погружившаяся в свои мысли, не сразу уловила суть сказанного, а когда до нее наконец дошло, что именно собирается сделать Морган, то первой ее реакцией была беспомощная, недоверчивая полуулыбка.

— Почему? — безуспешно пытаюсь справиться с предательской дрожью в голосе, спросила она. — Вы в чем-то подозреваете меня?!

Лейтенант выдержал взгляд ее расширенных глаз и ответил:

— Предварительно вам будет

инкриминировано преступное бездействие, — ответил он, одновременно пряча в нагрудный карман унифицированную карточку Лизы. — Следствие покажет, присутствовал ли в данном случае злой умысел с вашей стороны. Если состав преступления не будет обнаружен, то через пару дней вас восстановят в правах, с соответствующей денежной компенсацией на ваш личный счет.

Господи... Это же сущий бред...

Лиза все же заставила себя поднять взгляд, оторвав его от декорированной под дерево пластиковой столешницы.

— Вы хотите сказать, что я... — Голос Лизы сорвался, и она добавила уже тише: — Мы просто поссорились, и я ушла из дома, понимаете? Я же не знала, что он умрет!..

Морган был сама невозмутимость. Становилось очевидно, что лейтенант

видел на своем веку гораздо больше, чем это могло показаться, исходя из его возраста и звания. В данный момент он был похож на вежливую гранитную глыбу.

— Сожалею, но я не уполномочен делать какие-либо выводы, — непреклонно ответил он. — С этой минуты вы обязаны следовать установленной процедуре. — Он вытащил миниатюрный иньектор. — Вашу руку, пожалуйста.

Лиза повиновалась скорее машинально, чем сознательно.

Сейчас всадит микропередатчик под кожу... — неприязненно подумала она, и опять испугалась своему подсознательному видению процедуры. Откуда? Откуда я могу знать, что он должен сделать?! — Мысль была панической, заполошной.

— Это абсолютно безболезненная

процедура, — словно угадав ее мысли, произнес Морган. — Сейчас я имплантирую вам микропередатчик, который работает от тепла человеческого тела. — Он прижал головку инъектора к ее запястью и мягко сдавил его. Лиза действительно ничего не почувствовала, только на том месте, куда пришелся укол, осталось крохотное розовое пятнышко.

— Процедура ограничения гражданских прав вам известна?

В душе у Лизы продолжала вспухать какая-то темная волна не то горечи, не то обыкновенной неприязни к этому вежливому, холодному, словно кусок космического льда, представителю Муниципальной службы безопасности. Она хотела надерзнуть ему, как строптивая школьница занудному учителю, но что-то удержало ее, словно кто-то невидимый, но смутно знакомый

шепнул на ухо: «Не связывайся с ним... Пусть говорит побыстрее и проваливает!..»

Странно было слышать внутри себя этот шепот, будто у законопослушной, ничем не примечательной по своей судьбе и воспитанию женщины за оболочкой внешних реакций оказалось спрятано нечто потаенное.

— Нет... — ответила она, спохватившись.

Морган удовлетворенно кивнул.

— Я поясню, — произнес он. — Вы можете свободно перемещаться в пределах города, но обязаны всегда иметь при себе мобильный телефон. По первому вызову вы должны явиться в указанное учреждение для проведения следственных процедур. Вам выдается временная карточка с ограниченным кредитом. Не советую приближаться к космопорту, — предупредил он. —

Передатчик, имплантированный вам под кожу, тут же поднимет тревогу и сообщит об этом на центральный пост. Если вы действительно просто поссорились с мужем, то все ваши неприятности завершатся в течение ближайших двух суток.

— Я поняла. — Лиза уже кое-как справилась с колотившей ее нервной дрожью, и теперь ей хотелось как можно скорее остаться одной. Ей было над чем подумать, переживания бродили в душе, будто заблудившиеся души в мифическом аду, и поэтому она действовала словно в полусне. Покорно выслушав еще несколько наставлений лейтенанта Моргана, она кивнула, едва понимая, о чем он говорит, а потом, когда он вышел, долго сидела, прислушиваясь к голосам в соседних комнатах, и только когда в последний раз хлопнула входная дверь квартиры,

она вдруг вновь горько и безудержно разрыдалась.

* * *

Выплакавшись, Лиза почувствовала некоторое облегчение.

На душе было пусто, словно оттуда разом вымели все человеческое. Смерть Сережи уже стала для нее свершившимся фактом, мысль об этом прижилась где-то в уголке опустевшей души и ранила, саднила словами Моргана: «Вам будет инкриминировано преступное бездействие».

Сидя на кухне, откуда почему-то не решалась выйти, она долго и болезненно перебирала в памяти скудные вехи их короткой совместной жизни.

До момента их случайного знакомства, состоявшегося несколько

месяцев назад, Лиза совершенно не верила в любовь с первого взгляда, считая это понятие романтическим вздором, который более присущ литературным романам, чем реальным человеческим взаимоотношениям.

Действительно, с чего это вдруг ей столбенеть на улице, а затем очертя голову бросаться в сомнительную интрижку со случайным знакомым, когда жизнь вполне ясна и понятна, все планы разложены по своим полочкам, и каждый шаг вперед вполне обдуман, конкретен и...

А ведь все-таки это случилось.

Так бывает. Человек сам формирует свою теорию вероятностей и допущений, но выношенная в душе схема мирового устройства не всегда оказывается верна. Сколько людей оканчивали свою жизнь или, напротив, находили свое счастье с банальной

мыслью, внутренним вскриком: нет, это не со мной... такого не должно было случиться!..

Случается. Выскакивает из-за поворота улицы потерявший управление флайер, с крыши срывается сосулька или кровельный лист... или, например, выходит из кафе напротив незнакомец, останавливается, прикуривает сигарету, поднимает взгляд, и вдруг что-то обрывается в твоей душе...

Воспоминания о том дне, ставшем уже далеким, потускневшим, больно задели воображение, заставили пальцы судорожно сжать мокрый от слез носовой платок, которым она пыталась унять то и дело срывающиеся с ресниц слезинки.

Да, они познакомились случайно. Сергей вышел из кафе, прикурил сигарету и остановился, напряженно

глядя по сторонам, словно подсознательно ждал их встречи, и Лизе, которая стояла на противоположной стороне улицы, пропуская поток машин, уже тогда все происходящее показалось странным, чуть ли не пугающим, будто ее внезапно повлекла к этому человеку неведомая сатанинская сила, а он нарочно задержался у входа в кафе, оглядываясь по сторонам, словно предчувствовал, ждал именно ее, и никого более...

Сейчас, вспоминая тот день, Лиза вдруг с убийственной ясностью поняла, что в тот памятный день Сергей абсолютно необъяснимо, без видимой на то причины внезапно стал для нее ВСЕМ, заполнил жизнь собой сразу, мгновенно, без каких-либо раздумий, допущений...

Будто именно его ждала всю жизнь, с

самого детства, когда глупенькой девочкой заворуженно глядела в сферу интервьюера на гладко выбритого мужчину, сидящего у костра полуобернувшись, так, что ясно виден его профиль. Глаза задумчиво следят за пляской огня, а губы чуть кривит блуждающая улыбка. Это был ее идеальный образ, фантом, принесенный из детства и внезапно обернувшийся реальностью — Сережей, которого она впустила в свою душу, полюбила глубоко, безоговорочно, в один миг, будто и вправду сошла с ума...

Впрочем, полюбила ли?

Теперь ей оказалось сложно ответить на этот вопрос, учитывая все случившееся впоследствии.

...За окном постепенно начинали сгущаться сумерки. Время прокрадывалось мимо Лизы тихо, не приметно, не нарушая горестного

оцепенения ее мыслей.

Была ли я на самом деле счастлива с Сергеем?

В душе опять не нашлось однозначного ответа на заданный самой себе вопрос. Лиза не могла отделаться от ощущения, что неделю тому назад, в какой-то момент с ее глаз вдруг упала пелена, и тот странный, извращенный сон сознания, в котором она пребывала последние несколько месяцев своей жизни, внезапно кончился, обернувшись незатейливой и совершенно неприглядной реальностью.

Любовь и трезвомыслие плохо совместимы друг с другом... — подумала она, заставив себя встать, чтобы согреть воды для кофе. От выкуренных сигарет во рту было сухо и противно. Гробовая тишина квартиры угнетала, напоминая о случившемся

несчастье, сумерки все более сгущались, уже скрадывая детали мебелировки.

Действительно, поначалу ее жизнь с Сергеем походила на сон.

Лиза вдруг поняла, что совершенно запуталась в собственном сознании, которое все более и более казалось ей чужим, ненормальным, каким-то декоративным, что ли? Ощущать это было неприятно.

Сказка их общения прервалась ровно неделю назад совершенно странным, необъяснимым образом, точно таким, наверное, как произошло само знакомство. Просто одним утром Лиза проснулась и... испугалась.

Это утро врезалось в память болезненным букетом внезапных ощущений. Так бывает, когда по молодости переберешь на вечеринке с друзьями и просыпаешься, не помня

себя, вчерашнего вечера, прошедшей ночи...

То же самое испытала Лиза в то роковое для их взаимоотношений утро.

Проснувшись, она несколько минут лежала не шевелясь, прислушиваясь к самой себе и не находя в душе ничего понятного, знакомого, объяснимого.

Словно ее разум дал внезапный сбой.

Прошло без малого несколько минут, прежде чем сознание прояснилось и из него, будто из черного омута, начали всплывать обрывки воспоминаний, медленно складываясь в картину мироощущения.

Сергей...

Она приподняла край одеяла, и в нос ей ударил тот самый противный запах.

Она скривилась.

— Сережа!.. Милый!.. — Слова срывались с губ машинально, заученно, в то время как нос сморщился от

противного, тяжелого духа немытого человеческого тела. Ощущения дежавю, ирреального наложения двух картинок, двух методов восприятия, внезапно усилилось до состояния абсурда, будто внутри Лизы проснулась какая-то спящая половинка ее самой, и в то время как часть сознания пыталась умиляться, купаясь в каких-то эйфорических воспоминаниях, пронизанных неизменной нежностью по отношению к Сергею, другая половинка ее души содрогалась и корчилась от картин, которые наблюдал протрезвевший взгляд.

Белье, на котором она спала, оказалось очень сомнительной свежести, меблировка вокруг скудная, со следами пыли, вещи раскиданы в полнейшем беспорядке, в воздухе витают тошнотворные флюиды...

Что за бардак? — зло, неприязненно

подумал вдруг кто-то чужой, незнакомый... или же прочно, наглухо забытый?..

Лиза встала, болезненно переживая свою внезапную раздвоенность.

Сергей сидел в соседней комнате, за терминалом сетевого компьютера. Мерцающий свет контрольного экрана скупо освещал его сгорбленную фигуру, кабель нейросенсорного шунта петель лежал на плече, пальцы рук в специальных перчатках впились в подлокотники кресла и застыли в этом положении.

Боже мой... Где я? Что со мной?!

Лиза застыла в дверях, ощущая неприятное прикосновение ночной рубашки к своему телу.

Ей вдруг захотелось кинуться прочь, сорвать с себя эту тонкую, несвежую одежду, вскочить под теплый душ.

Ощущение облепившей ее со всех

сторон нечистоплотности буквально ворвалось в сознание, заставив содрогнуться, но... вместо того чтобы кинуться прочь, она подошла к Сергею, положила руки ему на плечи и склонилась, уколотившись щекой о безобразную щетину на его лице.

— Сереженька, милый, кушать пора, — нежно проворковали ее губы.
— Утро уже.

Дьявол!.. Меня сейчас вырвет... Что за...

Этот внутренний вскрик родился и тут же угас.

Пальцы сами нашли разъем нейросенсорного шунта и выдернули его из височной области.

Сергей вяло зашевелился, его пальцы судорожно сжались. Потом он открыл глаза и вперился в Лизу мутным взглядом, в котором поначалу не угадывалось ни единого проблеска

сознания.

— Что? — наконец сумел выдавить он. — Что случилось?.. — Слова выходили из его горла в виде прерывистого шепота. — Что тебе нужно?..

Лиза, прищурясь, смотрела на него.

— Завтракать пора! — резко произнесла она. — Пойдем. Посмотри, на кого ты похож.

Слова срывались с ее губ тяжело, осознанно, и Сергей вздрогнул, приходя в себя. Видимо, подобное поведение Лизы поразило его.

— Ты... с ума сошла? — Его взгляд наконец прояснился, вероятно, из-за безмерного удивления, вызванного ее словами.

— Что тебя так задело? — Лиза ощущала себя в этот момент так, будто шла по грудь в воде, против течения, сопротивляясь какому-то непонятному

напору чуждой воли, которая пыталась смять, скомкать ее внезапно проснувшееся самосознание.

— Ты... Ты не можешь так разговаривать со мной!..

— Могу. И буду, — упрямо ответила она, встряхнув его за плечи.

— Очнись, Сережа! — Лиза предприняла еще одну попытку ткнуть его носом в реальность. В ее душе, несмотря на непонятную абсурдность ситуации, жила уверенность, что этот человек ей действительно дорог, она на самом деле любила его, но... — Приведи себя в порядок, — попросила она, отвечая на немой, изумленный взгляд Сергея. — Нам нужно поговорить.

* * *

Разговора у них, естественно, не

получилось.

К этому роковому дню Сергей уже прочно сидел на виртуалке, и восприятие реального мира давалось ему с трудом.

Лиза чувствовала себя не лучше: словно и она вместе с ним провела несколько месяцев собственной жизни в сладком мире романтических грез.

Память о их встрече с Сергеем, коротком, бурном, сумасшедшем знакомстве, свадьбе, случившейся спустя несколько дней, — странной свадьбе, на которой присутствовали всего двое постоянно ухмыляющихся, косящихся в ее сторону друзей Сергея, — память об этом никуда не делась, она жила в сознании Лизы, но все, абсолютно все предстало вдруг в ином, неприятном свете...

...Лиза сидела на кухне, за этим самым столом, болезненно переживая

свое новое мироощущение, когда Сергей, пошатываясь после нескольких бессонных суток, вошел туда, ожег ее пустым, полубезумным взглядом и сел напротив совершенно обессиленный.

Его щетина уже начала курчавиться, напоминая короткую, выросшую беспорядочными клоками бороду, глаза глубоко запали, под ними лежали черновато-синие тени.

Взяв стоявший на столе кувшин с водой, он принялся жадно пить, дергая кадыком. Лиза смотрела на него, и жалость в ее душе боролась в этот момент с отвращением. Ей вдруг показалось странным, ужасным то, что именно с этим человеком связаны все самые чистые, нежные воспоминания последних месяцев.

Или это был сон? Тяжкий бредовый сон?

Нет. Она не могла ответить, откуда в

ней появилась такая непоколебимая уверенность, но не было сомнений: они действительно жили, любили друг друга в этой реальности.

Значит, каверза, неправильность заключена в ее сознании?

— Сергей, объясни мне, что происходит? — Голос Лизы вдруг осип, лишился своей резкости, раздраженности, теперь в нем слышались испуг и растерянность.

Он поставил кувшин на стол, потянулся за сигаретой. Глубоко запавшие глаза Сергея на мгновение блеснули прежней живостью. Лиза вздрогнула. Да, это был его взгляд, пронизательный, чуть насмешливый, ироничный.

— А что, собственно, происходит? — устало переспросил он. Искра во взгляде мелькнула и погасла, оставив перед ней совершенно другого Сергея:

опустив плечи, напротив сидел не человек, а наполовину высосанная, изможденная его оболочка.

— Почему тут все так... грязно, убого, зачем ты торчишь в виртуалке, что случилось с нами?! — Лизе было страшно, она поняла, что запуталась, заблудилась в своих ощущениях и уже не может отличить правду от лжи. Истерика еще не началась, но уже подкатывала к горлу щемящими спазмами.

— Ну, насчет грязи, это ты спроси у себя... — отмахнулся от ее вопроса Сергей. — А что касается остального... — Он с трудом сфокусировал свой взгляд на Лизе, и в его глазах опять проскользнуло безмерное удивление. — Знаешь, разнообразие — это, конечно, здорово, но не надо перегибать, договорились? Я работаю, а ты, похоже, стала вдруг

вольно трактовать свои обязанности, милая.

Лизу покорило от этих слов и его грубого, пренебрежительного тона.

— А в чем заключаются мои обязанности? — резко осведомилась она.

Сергей лишь устало отмахнулся:

— Сама знаешь.

Несколько минут они напряженно молчали. Наконец Сергей не выдержал, встал и произнес:

— Хватит глючить. Мне надо работать. Закончу статью, тогда и будем жить по-старому. И не надо меня больше так выдергивать оттуда, ладно?

Не дождавсь ответа, он вышел.

Целый день Лиза со злым, отчаянным остервенением убирала квартиру, выскребая пыль и грязь, скопившуюся по углам. В ее сознании царил крошечный ад, она не могла

поверить, что все, происходившее с ней до сих пор, — правда. Как могла она жить тут, не замечая происходящего вокруг, пребывая в каком-то ступоре грез?

К вечеру, выскоблив все до стерильного блеска, приготовив ужин, она еще раз попыталась достучаться до сознания Сергея, но безуспешно.

Оставался выбор: либо лечь в постель и уснуть, либо бежать отсюда очертя голову.

Подсознательно Лиза была уверена: бегство от проблем — это не ее стиль решения жизненных ситуаций, но, вспомнив свое пробуждение, она поняла, что не ляжет в эту постель никогда, даже если белье трижды стерилизуют у нее на глазах.

Отвращение ко всему происходящему было подсознательно-стойким. В душе по-прежнему царил

хаос, и нужно было прежде разобраться в себе, в своем, оказавшемся вдруг многоликим и непонятным «я», прежде чем решать, что делать и как жить дальше.

Оставив Сергею, который все еще торчал за компьютерным терминалом, короткую записку, она прижала ее тарелкой с бутербродами и ушла.

Вернувшись сегодня, Лиза застала Сергея мертвым.